

*Посвящается моим четырем младшим сестрам —
Джейси, Кейти, Фионе, Шоне и брату Николе*

Благодарности

Я очень благодарна Ванессе Проктор за множество часов, проведенных за чтением и правкой черновиков, Джейси Мориарти — сестре и вдохновительнице — за толковые предложения, советы и поощрение, моему зятю Колину Макадаму и подругам Петронелле Макговерн и Марисе Медине за бесценные комментарии; моей матери Дайан Мориарти за ценную информацию по различным вопросам — от цветов до маленьких детей. Книга писалась в рамках работы над дипломом в Университете Маккуори; благодарю преподавателей, особенно профессора Марсея Фреймана, и однокурсников за поддержку. Спасибо моему агенту Фионе Инглис за горячую поддержку книги и Джулии Стайлс за тщательную корректуру. И наконец, благодарю моего редактора и издателя Кейт Патерсон за толковые редакторские замечания.

Книга Лоренс Райт «Близнецы: гены, окружение и загадка идентичности» (1997) очень помогла мне понять особенности отношений между тройняшками.

Пролог

Иногда случается так, что волей-неволей приходится играть главную роль в комедии, трагедии или мелодраме собственной постановки перед огромной аудиторией.

Бежишь за утренним автобусом, болтая сумкой во все стороны, и вдруг оступаешься и растягиваешься во весь рост прямо на тротуаре, точно маленький ребенок на игровой площадке. Или стоишь в набитом битком лифте, и тут любимый человек задает вопрос, способный довести до белого каления («Повтори, пожалуйста, что ты сказала?»), или собственный ребенок интересуется чем-нибудь крайне нескромным, или по мобильному названивает мать со своими ценными указаниями. Или, бывает, пробираешься мимо чужих коленок к своему месту в кинотеатре и просыпаешь попкорн на ноги совершенно незнакомому человеку. Или вот так вот поспоришь с кем-нибудь хоть мало-мальски власть имущим — кассиром в банке, приемщицей в химчистке или трехлеткой — и весь день наперекосяк.

На молчаливые ухмылки зрителей в кинотеатре можно наплевать; им можно ослепительно улыбнуться или просто пожать плечами. Если вы не против подура-

читься, то можно даже отвесить им небольшой поклон. Собственно, не так уж важно, что именно вы делаете, — все равно вы не властны над тем, какую роль сыграете в маленьких анекдотах, которые они принимаются сочинять тут же, на месте; и если вам не повезет, то их авторы отнимут у вас последнее достоинство.

Именно это и случилось с тремя женщинами холодным июньским вечером в Сиднее. Точнее сказать, такое случалось с ними постоянно, но в тот раз шоу получилось особенно зрелищным.

Дело было в оживленном ресторане, который «Кулинарный гид по Сиднею» называл «местом, полным сюрпризов», среди публики, не обремененной хороши-ми манерами.

Несколько часов это небольшое происшествие пересказывалось и разыгрывалось в лицах, к вящему удовольствию няnek, соседей по квартире и сидящих дома же-нушек. Наутро уже не менее десятка его версий циркулировало в офисах и кофейнях, пабах и детских садах. Среди них были смешные и не очень; одни подверглись цензуре, в другие рассказчики не постеснялись добавить перца.

И само собой, среди них не было двух одинаковых.

Драка в день рождения

Вчерашний вечер? Выдался насыщенным.
Нет, дружок, нет, не в этом смысле... Свидание вслепую обернулось полной катастрофой. Нет, после Сары не слишком быстро. Я же тебе говорил, что готов в любую минуту к ней вернуться. Ее голос — вот что стало настоящей проблемой. Она разговаривала так тихо, будто по телефону, с другого конца света и при плохой связи.

Нет, не преувеличиваю. За весь вечер я не смог слышать ни единого слова! Нельзя же вечно просить человека повторять одно и то же, если только не хочешь вынести мозг и ему, и себе. Все свидание я только и делал, что тянулся через столик, наострял уши и пытался по губам угадать, что она там шепчет себе под нос. Был момент, когда я одобрительно хмыкнул над тем, что мне показалось главным в ее рассказе, а она вдруг застыла, как громом пораженная.

Наверняка человек-то она, в общем, неплохой. Только слушатель ей нужен получше. С ушами помощнее.

Но ладно, не в свидании дело. Как я уже говорил, вечер выдался... насыщенный.

В ресторане яблоку было негде упасть, и за соседним столиком оказались три женщины. Поначалу я их даже не заметил и оглянулся только тогда, когда ручка сумки одной из них зацепилась за ножку стула.

Очень симпатичная! Хотя я и предпочитаю... Но я забегаю вперед.

Короче, эти три барышни вроде бы неплохо проводили время, смеялись вовсю, с каждым разом все громче и громче. На каждый их раскат смеха я грустно улыбался своей собеседнице.

Часов в одиннадцать мы приободрились, потому что дело близилось к концу. Спросили десертное меню, и моя пассия знаками дала понять, что можно было бы заказать один черничный чизкейк на двоих. Я признался, что не люблю сладкое, и она чуть не запрыгала от радости!

Но заказать мы ничего не успели, потому что как раз в этот момент в ресторане потушили свет и в зал вплыли три официантки, каждая с огромным...

ИМЕНИННЫМ ТОРТОМ! Нет, ты представляешь?

И я говорю Томасу: ну ничего себе! ТРИ торта! По одному для каждой! Ну, потом, конечно, они спели «С днем рождения тебя!» — три раза! Томас подумал, что это смешно. Каждое следующее «с днем рождения» звучало громче предыдущего, так что в конце вопил уже весь ресторан.

За исключением Томаса, само собой. Шум, который производили девицы, испортил ему весь вечер. Он даже официантке пожаловался! Мне они показались приятными молодыми девушками в приподнятом настроении.

Вначале, по крайней мере. Уходя в дамскую комнату, одна из них, беременная, мне даже улыбнулась.

Каждая взяла себе по огромному куску торта! Уж точно — никто там ни на какой диете не сидел. А потом они еще друг у друга отламывали по кусочку. И я подумала: «Как мило!»

Ну, я время от времени на них поглядывала. Не знаю почему, но они меня заинтриговали. Я заметила, что после торта каждая по очереди прочла что-то вслух. Мне показалось — письма. Понятия не имею, что там было в этих письмах, только через несколько секунд поднялся такой визг!

Боже правый! Вот это была ссора, я тебе скажу! Настоящий скандал! Все смотрели только на них. Томас был просто в ужасе.

Одна девица отшвырнула стул и выпрямилась во весь рост — ни в чьих глазах я не видела столько ярости! Казалось, вся кровь прилила к ее щекам, когда она трясла вилкой и вопила — именно вопила.

Даже не знаю, как описать, что произошло потом.

Ну ладно. Подвинься поближе, я тебе на ушко скажу. Она вопила: «Вы обе...»

«...ИСПОРТИЛИ МНЕ ЖИЗНЬ!»

Я еще подумала: «Что за хрень?»

Я как раз говорила Сэму, что рассчитываю на солидные чаевые от шестого столика, потому что там зажигали вовсю и были уже тепленькие.

Даже беременная позволила себе бокал шампанского, а это довольно опасно, ведь правда? Вдруг ребенок будет отставать в развитии?

До сих пор не могу поверить, что она поступила так со своей сестрой. В смысле, я тоже свою недолюбливаю, но это как-то слишком! Свою родную тройняшку!

Я не говорила, что они были тройняшками?

Они собрались отметить свой тридцать четвертый день рождения. Раньше я никогда настоящих тройняшек не видела, они были со мной очень любезны, я осмелела и стала задавать им вопросы, каково это — быть тройняшками. Две блондинки были прямо как две капли воды похожи друг на дружку! Я уставилась на них во все глаза. Было похоже на игру «Найди десять отличий». Так странно!

Одна из них сказала, что быть тройняшками — это просто фантастика. Ей, мол, это очень нравится! Другая заметила, что, наоборот, это сплошной ужас. У нее такое чувство, будто она мутант или что-то в этом роде. А третья ответила, что не видит в этом ничего особенного.

И потом все они заспорили, что это такое — быть тройняшками. Но спорили по-дружески, беззлобно.

Вот почему я и не поверила, когда услышала, что они начали драться. Драться, что называется, не по-детски, а так, будто не выносили друг друга. Мне даже неловко как-то стало за них...

Сэм велел нести им кофе, чтобы как-то разрядить обстановку. Поэтому, подходя к их столику, я постаралась выдать из себя улыбку, но именно тогда-то все и произошло.

Я так опешила, что у меня аж руки затряслись, а вместе с ними — и поднос с чашками.

Помнишь тех двух ископаемых, которые заходят каждый второй четверг? Ту толстуху, что всегда просит крем-брюле? У нее еще тощий муж с чем-то таким

на заднице. Так вот, я пролила капучино прямо на его сияющую лысину!

Ох, погоди, сейчас, передохну и дорасскажу.

Так вот, одна из сестер, встав из-за стола, начинает орать на двух других, так? И все время, пока орет, тычет в воздух вилкой для фондю.

На закуску они заказывали особое фондю. Вот сейчас я вспоминаю об этом и понимаю, что, собственно, по моей вине вилка так и осталась на столе... Ох... Надеюсь, они не подадут на меня в суд. Ха!

Так вот, эта девушка... Она машет вилкой и кричит, как заправский маньяк. А потом швыряет в сестру этой самой вилкой. Ты можешь в это поверить?

И вилка вонзается прямо в живот той, беременной!

И вот она сидит, смотрит на свой живот, из которого торчит вилка. Зрелище не для слабонервных.

Девушка, которая ее швырнула, так и стоит, протянув руку, точно статуя. Будто она хотела остановить падавший стакан или что-то в этом роде, но поняла, что уже слишком поздно.

А потом — прикинь! — она падает в обморок.

Нет, не беременная, а та, что швырнула вилку!

Она прямо валится как подкошенная и, падая, ударяется подбородком — такой противный звук был! — о край стула.

Ну вот, она, значит, лежит на полу в полной отключке. Беременная сидит, у нее из живота торчит вилка, и она молчит, словно воды в рот набрала. Сидит, смотрит в пространство, как будто глубоко задумалась, а потом трогает живот пальцем, поднимает его, а он весь в крови! Такая жуть!

И главное, все посетители разом смолкли — сидят и только пялятся на тройняшек этих.

Третья вроде как вздыхает, трясет головой, точно все это ерунда, наклоняется под столик, берет свою сумочку, достает...

...мобильный и вызывает «скорую».

Потом она позвонила мне, и я встретила их в больнице. Ты можешь в это поверить? А ведь все именно так и было.

Им же уже за тридцать, а ведут себя как дети, честное слово! Кидают друг в друга чем ни попадя в общественных местах! Нехорошо это... И потом, на собственном дне рождения!

По-моему, им — всем троем — нужен хороший психиатр.

Помнишь, в том ресторане, куда мы их водили детьми, менеджер попросил нас уйти, когда Лин швырнула в Катриону стаканом лимонада. Вот это было фиаско! В жизни меня так не унижали. Уже молчу о том, что пришлось оставить бутылку отличного шираза. Кэт тогда наложили четыре шва.

Это ты виноват, Фрэнк.

Нет. Никакая это не ахинея.

Ну хорошо, виноваты вы с Кристиной, если тебе так больше нравится.

Кристина, Фрэнк, — это та женщина, которая разрушила наш брак. Она отличный индикатор того, как мало голова твоя была занята тем, что случилось с нашими девочками.

Я не отклоняюсь от темы, Фрэнк! Наш неудачный брак очень дурно повлиял на наших дочерей. То, что случилось сегодня, — ненормально! Даже для тройняшек!

Я еще разговаривала с бухгалтером, когда мне позвонили. Я прямо лишилась дара речи и еле выговорила:

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

«О, пожалуйста, извините, Найджел. Моя дочь только что сломала челюсть — она упала в обморок, кинув вилкой в беременную сестру!»

Жаль, что ты не видел того, что увидела я, добравшись до больницы. Они хихикали! Как будто все это — просто очередной смешной случай в их жизни. Я была вне себя от злости!

Я вообще их не понимаю.

Фрэнк, только не делай вид, что понимаешь их лучше меня. Ты с ними не разговариваешь. Ты с ними заигрываешь.

От них всех противно несло чесноком. Наверное, на закуску они заказывали фондю с морепродуктами. Странный, очень странный выбор! Его же есть невозможно.

Ну и с выпивкой у них тоже не все было в порядке.

Не вижу в этом ничего смешного, Фрэнк. Ребенок мог пострадать. Он мог даже умереть! Наша дочь могла погубить нашего внука или внучку! Подумать только — мы могли оказаться на первой странице «Дейли телеграф»!

Нет, мне не кажется, что я драматизирую.

Ну да, вот именно, я тоже хотела бы это знать. Я так и спросила, когда приехала:

— С чего же все началось?

Глава 1

А началось все тридцать четыре года назад, когда Фрэнк Кеттл, двадцати одного года, высокий, светловолосый, гиперактивный молодой человек, бывший послушник, воспылил безумной страстью к Максин Леонард, длинноногой рыжеволосой красотке, которой должно было вот-вот стукнуть девятнадцать.

В нем бушевал тестостерон. Она была осмотрительнее, но согласилась. Все случилось на заднем сиденье «холодена», принадлежавшего отцу Фрэнка. Два раза. В первый раз они все время стучались головами, сопели, затаив дыхание, сползли на пол, пока по автомобильному радио пел Джонни О'Киф. Во второй раз получилось медленнее, мягче и, в общем, совсем неплохо. Элвис вкрадчиво призывал любить его нежно. Однако и в том и в другом случае ужасный исход был один и тот же. Один из живчиков Фрэнка столкнулся лоб в лоб с одной из гораздо более медлительных яйцеклеток Максин и прервал ее тоскливый путь в небытие.

Потом, когда Максин сломя голову бегала на свидания к более подходящим мальчикам, а Фрэнк ухлестывал за фигуристой брюнеткой, две только что оплодо-

творенные яйцеклетки упрямо пробирались по фаллопиевым трубам Максин к ее взволнованной, совсем молодой матке.

В тот самый момент, когда Максин позволила очень подходящему ей Чарли Эдвардсу отбросить назад ее длинные рыжие волосы, пока она задувала девятнадцать свечей на именинном торте, одна яйцеклетка в ней настолько осмелела, что взяла и разделилась на две. Еще одной яйцеклетке теперь очень здорово было в компании двух совершенно одинаковых яйцеклеток.

Гости на дне рождения Максин думали, что она никогда еще не была такой красавицей — стройная, сияющая! Кто бы мог подумать, что она уже была беременна тройняшками от какого-то там бывшего святоши?

Ясное дело, Фрэнк и Максин поженились. На свадебных фотографиях у обоих был отсутствующий вид людей, недавно переживших серьезную травму.

Через семь месяцев три их дочери, крича и брыкаясь, появились на свет. Максин до этого никогда даже не брала ребенка на руки, а тут у нее оказалось целых три; это был самый тяжелый момент ее молодой жизни.

Вот как все начиналось, по версии Джеммы. Кэт возразила бы, что если уж считать с зачатия, то почему бы не приплести сюда всех их родственников до седьмого колена? Почему бы вообще не начать с обезьян? Или, допустим, с Большого взрыва? «Я бы с этого и начала, — заметила Джемма, — с Большого взрыва мамы и папы». — «Прико-о-ольно», — протянула бы Кэт. «Давайте рассуждать логически, — перебила бы Лин. — Все началось с ужина со спагетти».

И Лин, совершенно естественно, была бы права.

Был вечер среды. До Рождества оставалось полтора месяца. Обычный вечер в середине недели, о котором в пятницу они бы уже вряд ли помнили: «Что там мы в среду делали?» — «Не помню... Телевизор смотрели?»

Именно это они и делали. Жевали спагетти, пили красное вино, смотрели телевизор. Кэт, скрестив ноги, сидела на полу, прислонившись спиной к дивану и поставив тарелку на колени. Ее муж Дэн примостился на самом краешке и поедал свой ужин, склонившись над журнальным столиком. Они всегда так ужинали.

Спагетти готовил Дэн, поэтому они получились слегка переваренными. Кэт была более умелым кулинаром. Дэн готовил без затей, функционально. Он кидал все продукты сразу, как будто в бетономешалку, одной рукой крепко держал чашку, другой крутил ее содержимое так яростно, что под кожей ходили бицепсы. Ну и что тут такого? Сделано же дело!

В тот вечер, в среду, Кэт ничего необычного не чувствовала; не было ей ни особенно весело, ни особенно грустно. Было даже странно вспоминать потом, как она сидела, запихивала в рот пасту, приготовленную Дэном, очень глупо доверившись течению своей жизни. Теперь, задним числом, ей хотелось прикрикнуть на саму себя: «Сконцентрируйся!»

Они смотрели мыльную оперу под названием «Школа медиков», речь в которой шла об очень красивых и очень молодых студентах медицинского факультета с ослепительно-белыми зубами и запутанной личной жизнью. Каждый эпизод изобиловал кровью, сексом и болью.

Кэт с Дэном кое-что добавили к этой «Школе медиков». Как только обозначался новый поворот сюжета,

они разражались громкими криками, точно дети, смотрящие пантомиму: «Сволочь!», «Бросай его!», «Это не то лекарство!!!».

На этой неделе Элли — кокетливая блондинка, вечно в коротеньких маечках в облипочку, — пребывала в полнейшем смятении. Она все не могла решить, признаваться ли своему парню Питу — темноволосому угрюмому типу с ненормально накачанным прессом — в том, что спьяну изменила ему с заезжей звездой — возмутителем спокойствия.

— Скажи ему, Элли! — говорила Кэт, обращаясь к телевизору. — Пит простит! Он все поймет!

Пошла реклама: мужчина маниакального вида в желтом пиджаке бродил по магазину, недоверчиво показывая пальцем на специальные рождественские предложения.

— А я сегодня сделала кое-что для красоты и здоровья, — произнесла Кэт, опираясь на ногу Дэна, чтобы через него дотянуться до перочницы. — У женщины был такой приторно-восторженный голос. Мне как будто делали массаж, пока я резервировала нам отель.

На Рождество она дарила сестрам (и себе самой) поездку в дом отдыха в Голубых горах. Всем троим обещали «ни с чем не сравнимые ощущения» от «исключительного обслуживания». Их должны были обертывать в морские водоросли, опускать в грязевые ванны, с головы до ног обмазывать витаминными кремами — отдых предстоял просто чудесный.

Она была очень довольна собой. «Какая умница!» — скажут все в день Рождества. Лин действительно нужно было расслабиться. Джемме это было не нужно, но она вряд ли откажется от поездки. Кэт тоже ничего, в общем, не беспокоило — разве только то, что она все

не беременела, хотя вот уже почти год не принимала противозачаточных. «Не бери в голову», — мудро советовали все вокруг, будто первые до этого додумались. Как будто твои яичники отказывались сотрудничать, когда замечали, что ты волнуешься из-за беременности: «Отлично! Если ты так переживаешь по этому поводу, то мы закрываем вопрос».

Пошла реклама медицинской страховки, и Дэн поморщился, как от боли:

— Терпеть ее не могу.

— Но реклама эффективная. Ты ее смотришь внимательнее, чем любую другую.

Он закрыл глаза и отвернулся:

— Ладно, не смотрю, не смотрю. Но этот резкий женский голос все равно слышу.

Кэт взяла пульт и прибавила звук.

— А-а-а! — Он открыл глаза и вырвал пульт у нее из рук.

Это было совершенно нормально. Позже она проигрывала все его действия в своей голове, и от этого, казалось, становилось даже хуже. Каждый миг нормального поведения только отягощал его предательство.

— Цыц! Уже началось.

Обманутый парень Элли, Пит, поигрывал на экране своими накачанными мускулами. Элли виновато посматривала прямо в камеру.

— Скажи ему! — обратилась к ней Кэт. — Я бы хотела знать. Мне было бы лучше знать всю правду. Лучше скажи ему все, Элли.

— Правда лучше? — спросил Дэн.

— Да. А тебе — нет?

— Не знаю...

Кэт тогда не услышала никакого «звоночка». Не уловила даже слабенького сигнала. Она поставила свой ста-

кан с вином на журнальный столик и почувствовала, как на подбородке вскочил зловредный прыщик — предвестник месячных. Он появлялся каждый месяц, как будто на ней ставили официальный штамп: «Подтверждаю, что у данной женщины в данный месяц ребенка не ожидается. Попробуйте в следующем месяце!» Каждый раз, завидев первые капли крови, Кэт принималась сокрушенно вздыхать, закидывая голову, точно колдунья. Какая насмешка, какая страшная издевка после стольких лет периодической радости оттого, что она не беременна, после многомесячных рассуждений вроде: «А мы готовы к такой крутой перемене? Готовы, ведь правда же? Или нам нужен еще один месяц свободы?»

«Не думай об этом, — твердила она себе. — Просто не думай».

— Кэт...

— Чего?

— Я должен тебе что-то сказать.

Она одобрительно улыбнулась в ответ на его задумчивый тон, радуясь, что он отвлек ее от прыщика.

— И что же? — полюбопытствовала она и приглушила звук. — Что, как Элли? Изменил мне?

— Ну... в общем, да.

Он выглядел так, будто его вот-вот стошнит — актер из него был никудышный.

Кэт положила вилку.

— Шутишь? Ты что, хочешь сказать, что с кем-то переспал?

— Да, — ответил он, странно дергая губами. Он напоминал маленького мальчика, застигнутого за чем-то постыдным.

Она выключила телевизор и отложила пульт. Сердце колотилось от страха и от незнакомого прежде жгучего желания — знать все.

— Когда? — Ей все еще не верилось, хотелось смеяться. — Сто лет назад? Когда мы только начали встречаться? Не недавно же?

— С месяц назад.

— Что?!

— Там ничего серьезного не было... — промямлил он, уткнувшись в тарелку и ухватив пальцами гриб. Не донеся гриб до рта, он бросил его в тарелку и вытер рот обратной стороной ладони.

— Что ж, начинай с самого начала. Когда?

— Однажды вечером.

— Когда вечером? А я где была? — спросила она, перебирая в памяти события последних недель. — Когда — вечером?

Выяснилось, что однажды, во вторник вечером, после сквоша, он познакомился с какой-то девицей. Она сама подошла к нему, и, что скрывать, ему это польстило, потому что она была... э-э-э... очень хорошенькая. Он был немного поддатый, без особых уговоров согласился поехать к ней, слово за слово... Дело явно не стоило выеденного яйца. Он совершенно не мог понять, как его угораздило сделать такую вопиющую глупость. Может, это все из-за стресса на работе и еще, знаешь, из-за ребенка. Это, конечно же, никогда не повторится, он очень, очень, очень виноват, он ее так любит, и это так здорово — рассказать все наконец, не таиться, не скрываться!

Казалось, что с ним произошло что-то интересное и он просто забыл рассказать ей об этом. Она спрашивала, он отвечал: «Где она живет?», «Как ты добрался домой?».

Он закончил свой рассказ, и Кэт глупо уставилась на него, ожидая, что ей будет очень больно. Как будто

ты пришла сдавать кровь, и врач, улыбаясь, ищет вену на твоей руке.

— Как ее зовут? — спросила она.

— Анджела, — ответил он, отведя глаза.

Ну наконец-то... Сердце у нее сжалось, потому что у девицы было имя и Дэн знал его.

Она смотрела, как на тарелке стынет ужин, и до отвращения ясно видела изгиб буквально каждой макаронины, похожей на змею. Будто настроили линзу телескопа, и ее размытый, расплывчатый прежде мир стал отчетливым и резким.

Она новыми глазами посмотрела на их гостиную. Небрежно брошенные на диван подушки, ковер дикой расцветки на отполированных досках пола. Книжная полка, уставленная фотографиями, тщательно отобранными, вставленными в рамки, доказательствами их счастливой, насыщенной жизни. Вот, смотрите, как мы любим друг друга и весь мир, как мы стройны, как веселы! Вот как мы улыбаемся и обнимаемся в своем лыжном снаряжении! Как мы хохочем, собираясь нырнуть с аквалангом! Как веселимся со своими друзьями! Какие строим рожи на камеру!

Она снова взглянула на Дэна. Он неплохо выглядел, ее супруг. Ее всегда это волновало — приятно щекотало, вернее сказать.

Она думала: он изменил мне, попробовал, как это делается. Это было страшно. Нереально. Ей захотелось снова включить телевизор и сделать вид, словно ничего не произошло. Вспомнилось: надо отутюжить юбку на завтра. Надо составить список подарков на Рождество.

— Ничего серьезного, — повторил он. — Так, глупое ночное приключение.